

Они вздрагивают и режут, разъяренные, вместе, и их лидер делает выпад, чтобы снова схватиться со мной, разозленный до предела. Мы скрещиваем клинки, и в ответ я одариваю его уверенной ухмылкой. Думаю, эти гоблины никогда не изменятся. Если бы они когда-нибудь изменились, я бы впервые за долгое время испугался.

Звук звона металла о металл наполняет воздух. Слева и сзади на меня надвигается один из гоббитов, а второй все еще выглядит запуганным. Осознавая свое окружение, я ловко перенаправляю удар вожака через плечо и жду, пока его меч пройдет через горло того гоблина, аккуратно избавляя его от меня.

К сожалению, в то же самое время меч атакующего гоблина пронзает мой бок, но клинок вождя, как я и надеялся, аккуратно перерезает мозговой ствол этого гоблина. Воспользовавшись моментом удивления, промелькнувшим на лице вожака, чтобы действовать, в то время как в моем мозгу проносятся сигналы боли, я кручусь и с размаху отсекаю голову вожака гоблинов от его тела. Его голова пролетает через всю комнату и ударяется о стену, которую я сейчас не вижу, но брызги крови на ней ненадолго освещают место удара.

Голова вождя остается видимой еще некоторое время, но когда оставшееся в ней тепло тела рассеивается в виде светящихся луж крови на полу пещеры вокруг нее, они оба медленно исчезают. Шестой и последний гоблин колеблется и через мгновение, вспотев, с воплем бросается бежать к выходу.

С гримасой я бросаюсь за ним, на мгновение выхватывая меч, торчащий у меня из бока, чтобы бросить его через всю пещеру. Кажется, ничего критического не пробито, но кровь все еще течет. Теперь я на таймере. Я чертовски ненавижу такие ситуации. Хммм... Та девушка крепко спит у входа. Маленький ублюдок может улучшить момент и прикончить ее, если я не окажусь у него на хвосте.

Бросаюсь следом, держа меч наготове и готовый перерубить ублюдку ноги, но кровь обильно струится из моего бока, оставляя за собой след в глотке пещеры. Мой бок начинает болеть, пока я бегу, но, привыкнув к такой боли, я удлиняю шаги.

Когда мы в погоне поднимаемся по проходу, возникает слабое ощущение, что что-то вытекает из моего сознания. Я моргаю глазами и думаю, не был ли меч, пронзивший меня насквозь, отравлен.

Нет. Скорее всего, нет. Не в их природе использовать яды. У них нет достаточной изощренности для этого. Их мечи в таком плохом состоянии, что от них можно подхватить ужасную инфекцию. Потеря крови сама по себе может объяснить это, но я никогда не чувствовал ничего подобного.

В других заданиях мне бывало и хуже, даже настолько плохо, что я был близок к смерти, но никогда я не чувствовал, что из моих мозгов что-то вытекает. Поджав губы, я с раздраженным выражением лица прогоняю эти мысли, видя, что мы приближаемся к выходу.

Не видя света, проникающего через вход в пещеру, я чувствую, как ветер треплет мои волосы. Готовя меч к удару, я передумываю и отбрасываю руку назад. Я знаю, что это может легко стоить мне меча, если гобби уйдет, но я знаю одно. Жизнь этой женщины должна быть сохранена. Я не могу сказать, почему я так думаю. Как ни странно, без всяких колебаний я отвожу руку назад и бросаю свой клинок.

Со вспышкой энергии магии ветра, вложенной в него в момент броска, он летит вперед и пронзает грудь убегающего гоблина. Вздвогнув, я сразу же понимаю, что задел его жизненно важные органы. Это самый худший сценарий.

Гоблин громко кричит, хватаясь за грудь, его ноги болтаются еще быстрее, а рукоять моего меча врезается ему в спину. Когда он проносится мимо распростертого тела девушки, она делает резкое движение и бросается к ногам убегающего гоблина. Чудовище бросается вперед, и острое моего меча провисает и зацепляется, когда мой меч аккуратно рассекает его, потроша и, скорее всего, разрывая спинной мозг, вынимая несколько важнейших органов вместе с добычей.

Парная кровь вытекает из смертельной раны на камни, блестит в моих глазах, капая и остывая, стекая вниз и омывая тело женщины. Я останавливаюсь, задыхаясь, и с тяжелым вздохом хватаюсь за бок.

* * * * *

Белый туман расступается, и в голове остается какая-то неясность.

Рывком я просыпаюсь, чувствуя уверенность в том, что моя жизнь в опасности, если я не буду действовать. Некоторое время, с тех пор как мои глаза встретились с глазами этого человека, я знал, что наконец-то буду в безопасности. От облегчения я потерял всю свою энергию, отключившись от сна.

Снилось ли мне то, что я думал, как бы убить гоблинов, захвативших меня? Или я действительно смотрел, как Вейн убивает их с затылка? Действительно ли я видел, каково это - быть им? Было приятно наблюдать, как они умирают один за другим, но...

Делая глубокие вдохи, я трезво думаю о том, что я видел и чувствовал на его месте.

Теперь мне кажется, что я знаю, каково это. Ощущение, что я побывал там, где никогда не смог бы побывать в своей скучной, суровой современной жизни в Токио.

Если это странный и яркий сон, то я снова в Токио и мне не о чем беспокоиться... кроме возможной смерти от выстрела и потери крови... Есть вероятность, что я как-то переживу это, но... Тот голос сказал, что я умер? Я так не думаю... так что, возможно...

Я тяжело вздыхаю, устало качая головой. Но тогда, возможно, это реальность, и пути назад нет. Что? Если это не так, то моя новая реальность гораздо темнее и злее, чем я мог себе представить. Человекоядные гоблины-зверолюды? Мечи и магия?

Мои глаза наполняются слезами, когда я думаю обо всем, что я видел и чувствовал до сих пор.

Мои депрессивные мысли прерывает звук стука сапог по каменному полу прохода, смешанный с еще одним стуком ног, похожим на многократное шлепанье. Неужели все это просто безобидные сны, которые мне снятся? Что мне делать? Возможно ли вообще, чтобы люди видели сны внутри снов?

Как бы мне ни хотелось не высовываться и спрятаться от их надвигающегося конфликта, зная, чем он закончится, я понимаю, что мне нужно действовать быстро или умереть. Уверенность в моей смертности в этот момент наполняет меня целью и побуждает к действию. Не прячься, герой. Сражайся!

Черт возьми! Я не герой, мать твою! Проваливай! Я просто схожу с ума!

Когда шаги проходят мимо меня, я делаю свой выбор. Все мое тело болит от боли, трясется и вздрагивает, руки особенно дрожат. Кровотечение остановилось, но раны все еще жгут при каждом движении, и они грозят открыться. То, что когда-то было красивой гладкой кожей на моих грязных руках, свисает красными клочьями то тут, то там. Я вижу свое мясо с вьевшейся грязью.

Оно заразится, если я не займусь его лечением!

Лунный свет омывает верхнюю часть моего тела, проникая через устье пещеры.

Мои руки, похоже, избежали значительной части повреждений, нанесенных остальному телу, и выглядят несколько более крепкими, благодаря всей той стирке и работе по дому, которую Халиме приходилось делать в своей деревне, не то чтобы ее руки могли сравниться с бугристыми пальцами ее матери. Увидев справа от себя зеленую вспышку движения, когда гоблин пронесется мимо меня, я бросаюсь к его ногам и обхватываю их ноющими руками, держась так крепко, как только могу, используя всю силу, на которую способен. С некоторым удовлетворением я ощущаю момент, когда он падает вперед, и громкий лязг острия меча Вейна, вгрызающегося в землю, когда он падает вперед на усыпанный гравием склон. Особенно приятен звук удара его головы о камни в сочетании с хлюпающим звуком разрезаемых кишок. Поток облегчения наполняет меня теперь, когда все закончилось... по крайней мере, пока его кровь не начинает вытекать из лежащего тела и растекаться вокруг меня, окружая меня зловонием его внутренностей. Горячая кровь прилипает ко мне, густая и противная.

Я вскрикиваю от вновь обретенного ужаса и отпускаю его.

Мгновением позже меня хватают за ноги и тащат через беспорядок и поток крови, оставляя полосы, уходящие вниз по проходу. Мой крик становится все громче и громче, а в проходе все темнее, и я слабо бьюсь ногами, плача. Проклятье, нет!

"Успокойся", - задыхаясь, говорит Вейн, отпуская меня. "Расслабься. Ты в безопасности, девочка. Просто замолчи!"

Мои губы сжимаются вокруг моего крика. Вздохнув с облегчением, радуясь, что это не очередной гоблин, затаскивающий меня еще глубже в пещеру, Вейн помогает мне сесть. Он опускается на колени рядом со мной и прижимает руку к окровавленному боку, бормоча под нос. Он что-то произносит, и его рука в перчатке начинает светиться. Я не могу разглядеть, что происходит под его доспехами, но мне кажется, что его плоть вяжется сама с собой, хотя после этого остается морщинистый шрам. Покачав головой, я отворачиваюсь, чувствуя себя плохо.

"У кота твой язык, а?" лаконично спрашивает Вейн. "Травмирован, я полагаю. Я не виню тебя. Тебе чертовски повезло, что ты вообще дышишь".

Оставаясь молчаливым, я отвергаю все, отказываясь верить, что все это может быть реальным, независимо от того, что я чувствую. Травмирован? Я травмирован? Чертов идиот.

"Конечно, да", - говорит он мне, решительно беря мои руки, осматривая мои грязные и болезненные раны.

"Давай начнем с исцеления этих". Обе его перчатки холодные и кровавые, как и я, но когда он протягивает руки, магическая энергия окружает их ореолом. Я наблюдаю, как его магическая аура поднимается вверх по моим рукам, сплетаясь с плотью, возвращая ее в нормальное состояние, возвращая все на свои места. Пока он работает, боль утихает, и область успокаивается. Когда работа закончена, я замечаю, что после нее остались небольшие шрамы.

Его глаза осматривают меня с ног до головы, и его взгляд задерживается на моем грязном обнаженном теле.

Внутри я мужчина, но я вздрагиваю и прикрываю грудь рукой, внезапно почувствовав себя неловко. "Они, должно быть, сорвали с тебя одежду. Они причинили тебе больше вреда, чем я могу видеть?". Его глаза безразличны, почти беспристрастны, он не заинтересован в том, чтобы я ответил. Незаинтересованный взгляд его глаз немного успокаивает меня. У него нет никаких странных похотливых мыслей обо мне, насколько я могу судить...

"Ваше горло", - тянется он к нему. "Я вижу здесь еще рану".

Видение множества рук, тянущихся к моему горлу, заполняет мой разум, и я рефлекторно отшатываюсь назад. Глаза Вейна сужаются, и вместо этого он бьет меня по лицу. Холодный металл, покрывающий его руку, делает удар еще сильнее. Я пошатываюсь от пощечины,

задыхаясь.

Вейн рычит, говоря: "Чертов идиот, я просто лечу тебя". Я не мог не увидеть в его движении угрозу, хотя знаю из его головы, что этот человек не убивает никого, за кого ему не платят, кроме монстров и гоблинов. Но не вообще.

Аура его магии окружает его перчатку в последний раз, когда он лечит мое больное и воспаленное горло. Я не вижу, где меня порезали, чтобы знать наверняка, но у меня такое чувство, что его способность к исцелению настолько груба, что всегда будет оставлять шрамы, независимо от того, спасет ли заклинание жизнь или рана будет поверхностной.

"Нам нужно как-нибудь раздобыть тебе одежду. Оставайся на месте. Я посмотрю внизу, нет ли на других их жертвах чего-нибудь, что можно было бы надеть на тебя".

Глядя в глаза Вейна, я не решаюсь отвергнуть его приказ, но качаю головой: "Я хочу пойти с тобой".

Глаза Вейна вспыхивают от гнева. "Просто делай, что я говорю, дура. Там внизу нет ничего такого, что девушка должна видеть".

"Ничего такого, чего бы я еще не видел", - говорю я с тошнотворным выражением лица, поворачивая голову, чтобы вызвать рвоту после того, как он напомнил мне о том, что лежит внизу. Со слюной, все еще стекающей с моего подбородка, я снова смотрю на Вейна с решительным выражением лица.

Вздвигнув, Вейн отходит в сторону и вздыхает. "Полагаю, ты уже насмотрелась на это. Не стоит подвергать себя зрелищу еще большей крови и внутренностей. Предоставь уборку мне, женщина. Я сожгу тела, как только найду для тебя подходящую одежду".

Кашляя, я выплевываю остатки того, что Халима съела на завтрак. В таком состоянии это не похоже ни на что, что я узнаю. Сморщив нос от нового ужасного запаха, наполняющего едва шевелящийся воздух, я поднимаюсь на ноги и снова качаю головой. "Я устала, но я... я не бесполезна и... я не... Меня зовут не "женщина"".

Я собиралась сказать, что я не женщина, но я никак не могу утверждать обратное, когда мы оба болезненно осознаем тот факт, что я женщина, хотя мой разум - мужской.

"Гордость, да?" усмехается Вейн. "Гордость бесполезна для слабых. Ничего, кроме вреда. Пилигрим, если хочешь. Мы найдем тебе какую-нибудь милую и уютную деревню, где ты сможешь дожидаться своей смерти, если захочешь".

"Нет!" рычу я. "Я не пилигрим. Я никогда им не был. Я Ха..." Хаку или Халима? Какое имя я должен ему дать? Хаку - мужчина, живущий в Токио, а Халима - угнетенная, обиженная и

слабая девушка, жившая в общине пилигримов, которой больше не существует. Она называлась Пайнсдейл. Название общины всплывает в моем мозгу, казалось бы, ниоткуда, как ответ в гадальной игрушке "8 шаров".

Кем я должен быть?

"Ха?" спрашивает Вейн с забавным выражением лица. "Ты раскалываешься от стресса?"

"Может быть", - огрызаюсь я на Вейна злобным тоном. "Зови меня Хана".

Я сейчас не Халима и не Хаку, так что пока сойдет и Хана.

"Звучит немного по-восточному для твоего местного лица". говорит Вейн, усмехаясь, качая головой. "У тебя голова забита книгами о приключениях? Ты мечтаешь стать авантюристом? Может, поэтому ты и выбрала мне такое фальшивое иноземное имя". Он смотрит на меня.

Я отшатываюсь от его язвительного взгляда и решительно смотрю ему в глаза, ничего не говоря. Приняв мое молчание, он отводит от меня взгляд и начинает спускаться по проходу. Я устало следую за ним, тяжело опираясь на ближнюю стену и сосредоточенно делая шаг за шагом на дрожащих ногах.

<http://tl.rulate.ru/book/75953/2261069>